

РАЗДЕЛ I. ЗНАНИЕ И СОЗНАНИЕ В ПОЛИТИКЕ

Политика/власть и наука

Большие общественные системы, названные автором организационными и регулятивно-контрольными, связаны с политикой (которая входит в состав этих систем и равноправна с ними), связаны друг с другом атрибутивными отношениями, то есть способностью не просто взаимодействовать друг с другом, но проникать друг в друга. Инклюзивность (проникающая способность от лат. *includere*) некоторых систем может быть агрессивной, экспансивной. Тогда возникает проблема допустимых пределов проникновения, нарушение которых разрушает атакуемую систему и ее союз с проникающей системой. К экспансивным системам относятся: идеология, сама политика и религия. Известно разрушительное воздействие чрезмерного проникновения политики в экономику (например, ее милитаризация), идеологии — в политику, культуру и право, религии — в право (мусульманский опыт). В то же время ряд систем (наука, или в более общем смысле, система научного знания, культура, мораль) могут и должны ассимилироваться другими системами сколь угодно глубоко, не причиняя им вреда, и чем глубже, тем лучше. Знание тем самым не может быть избыточным. Поэтому все системы предрасположены создавать собственные познавательные, критические и предсказательные философские и научные области знания (экономические науки, политические и политическая философия, философия права и правовые науки и т.д. и т.п.).

Разумеется, атрибутивные отношения избирательны: политика, например, не совместимая с наукой, может использоваться в инструментальных целях. Политика может определять приоритеты научно-технического развития, цели и задачи производства. Экономика может принуждать систему права и сферу ее наук принимать те или иные решения и т.д. Проблемы возникают, когда та или иная система начинает эксплуатировать науки или, иначе говоря, применение либо использование науки переходит в ее подчинение задачам, которые могут быть ей не свойственны или противопоказаны. Эта ситуация настолько неизменна в истории человечества, что может оказаться фатальной, способной не только усугубить имманентное созидательной деятельности противоречие — ее сочетание с разрушением (расходом ресурсов, производством отходов, загрязнением и пр.), но и с целенаправленным созданием все более могущественных и опасных средств разрушения. Речь идет, как нетрудно понять, о создании все более опасного оружия. Попытка выделить из совокупности вооружений особый класс «оружия массового уничтожения» с тем, чтобы как-то обуздать его изготовление и применение, достаточно лицемерна. Во время второй мировой войны практически не применялось никакое оружие массового поражения, но это не помешало истребить 50 млн. людей. Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, действительно поразила 200 тыс. человек. Но бомбардировка Дрездена обычными фугасными и зажигательными бомбами привела точно к таким же жертвам. В бесчисленных конфликтах и войнах послевоенного времени также не применялось никакое сверхъестественное оружие, что не помешало истребить такое же количество людей, как в хорошо организованной войне 1939–1945 гг. Обычное стрелковое оружие (в том числе десятки миллионов автоматов Калашникова) исправно делает свое губительное дело.

О социальных и исторических последствиях политического принуждения сферы познания и технико-промышленного производства можно было бы сказать еще многое*, но нас здесь интересует результат политической агрессии в науку, когда нарушаются границы допустимого проникновения одной системы в другую, когда политика, выступая заказчиком, принуждает исполнителя подчиняться ее требованиям**.

Избыточная политизация (и идеологизация) науки и ее подчинение власти порождаются не самой по себе политической волей, а режимом, который приводит эту волю в движение. Так возникает специфическая для авторитарных и тоталитарных обществ ситуация подчинения с политическим и идеологическим контролем и системой льгот и привилегий для науки, превращенной в инструмент, призванный решать не свойственные ему задачи. Так появляются общественные науки (а также многие формы культурного творчества), поглощенные поддержанием, объяснением и оправданием политики и власти и деградирующие в этой несвойственной им сервильной функции. Когда же, при кризисах и смене исторических вех политики, и в самом деле требуется квалифицированная помощь, такая наука оказать ее не может. Она либо разрушается, либо топчется на месте.

* Следовало бы особо отметить обманчивость взаимной преданности власти, политики и оружейников. Военно-техническая революция и ее научная матрица вольно или невольно интернационализируются, распространение оружия, торговля им ведет в конечном счете к вооружению преступных режимов и террористов. В недавнем прошлом наука служила вооружению и своих собственных террористических милитаристских режимов. Эти факты слишком хорошо известны, чтобы на них останавливаться.

** Известно также, что политический заказ может быть вполне созидательным и общественно полезным при создании новых отраслей знания и производства, решении различных общественных задач, на чем нам еще предстоит остановиться. Во всяком случае, политическое обращение политики к науке для решения позитивных созидательных задач не сводится к принуждению.

Вспомним, как медленно и трудно восстанавливалась в послевоенные годы некогда цветущая философская и общественная мысль Германии, как сложилась судьба общественно-научная в России постсоветского периода. Несмотря на усиленное размножение всевозможных экономических, политологических, социологических институтов, центров, Академий, школ, от них пока так и не поступило сколько-нибудь серьезных проектов общественного развития. Можно вспомнить и вполне анекдотические по своей наивности предложения реформировать плановую экономику за 100 или 500 дней (!) и объявление новой рыночной экономики в России монетаристской, хотя это типичная меркантилистская экономика с поборами и налогами с целью хоть как-то наскрести деньги — настоящий XVII век. Не удивительно поэтому, что политике и реально действующей власти пришлось и все еще приходится действовать по собственному разумению («шоковая терапия», приватизация и т.п.) и получать затем оправданные и неоправданные упреки.

Еще сложнее складываются нередко отношения политики с естественными науками. Их мобилизация для решения больших общественных задач (и прежде всего военных) — обычная процедура нашего времени. Однако она и означает подчинение науки политике, создание научно-технического агломерата, известного под именем военно-промышленного комплекса. Эта ситуация неизбежна и терпима в чрезвычайных условиях ведения вооруженной борьбы или подготовки к ней. Однако она становится нетерпимой и дисфункциональной, если оказывается постоянной, если поглощает лучшие силы науки и производства, ослабляет и разрушает экономику и развращает привилегиями и льготами ученых, способных гордиться своими чудовищными изделиями. Такой плененный гигант способен выйти из повиновения (например, саботировать конверсию военного производства в гражданское). Поэтому вольно или невольно, заботясь о развитии военного потенциала или сохраняя его «про запас», государство под-

кармливает непродуцирующую, затратную сферу науки из своих нередко скудных средств и перестает обращать внимание на остальные сферы.

Этатизация науки

Научное творчество и в наши дни считается сферой деятельности одаренных индивидов, наделенных специальным знанием. Совокупность способных к творчеству людей определяет инвентивность общества, его творческую характеристику. Реализация же открытий и изобретений, творческое новаторство, инновативность — характеристика деловой активности — в нарастающей степени становится коллективной, общественной задачей, очень часто заботой и целью государства, а значит и предметом политики. Часть новаторских усилий последние два столетия брали на себя постепенно разраставшиеся частные и корпоративные предприятия (судоостроение и самолетостроение, например), а часть — непосредственно государство, особенно область эксплуатации открытий (например, железные дороги, средства электросвязи и др.).

Расширение масштабов и задач научного творчества с началом массовой индустриализации в XX в. еще более изменило отношения политики и науки. Наука, как мы знаем, стала важнейшим средством научно-технических, экономических, политических, культурных задач общества, особенно в связи с обострением политической ситуации в мире, международными политическими и идеологическими конфликтами.

Положение науки и ее политические функции еще более изменились в середине прошлого века в связи с начавшейся научно-технической революцией, а именно, превращением науки в исходный фактор производства, когда оно становится средством реализации научных замыслов, кото-

рые, в свою очередь, часто оказываются исполнением политико-экономических, военно-политических и идеологических задач.

Наука, способная решать подобные задачи, либо вливается в военно-промышленный комплекс, либо не выходит за свои пределы, но настолько усложняется и коллективизируется, что превращается в крупные научные отрасли фундаментальных и прикладных исследований.

Естественно, в этот процесс органически включается в роли организатора, контролера и финансиста государство, то есть политика. Оно, государство, способно форсировать решения тех или иных задач (индустриального развития, например), работу научных учреждений, подготовку кадров науки, производить мобилизацию этих кадров, производить научные, финансовые интервенции в исследованиях и т.д.

Этатизация науки не только позволяет ее развивать, но и дает возможность ее эксплуатировать, однако отношения политики и науки, как и следовало ожидать, достаточно симметричны. Наука в нашем мире — опора государства, залог его развития и самого существования. В то же время попытки превратить «свою» науку в исключительное государственное достояние, скрыть ее от процесс традиционной интернационализации завесами государственной тайны или национальной безопасности ослабляют взаимодействия обеих систем и заставляют подозревать существование нездоровых отношений между ними. Для политики же современного крупного государства особенно губителен отказ от науки, трудно восполняемые задержки ее развития. Никакие претензии на великодержавность и всемирность государства, не сумевшего сберечь и развить в своей стране науку не могут состояться.

Роль науки

Современная наука — это целостный и сложный социальный институт, обеспечивающий знанием интеллектуальное и материальное развитие общества. Дисфункции отно-

шений между ним и политикой, о которых шла речь выше, преодолимы. И потому в истории их отношений взаимные охлаждения чередуются с попытками создать между ними прочные взаимоотношения. Один из путей к их союзу ведет в обратном только что описанному пути — к проникновению науки в политику. С точки зрения политики этот путь также можно расценить как иную форму обладания. Речь идет об атрибутивном сочетании двух систем — политической науке. В эту атрибутивную связь включена также и философия. Ее объединяет с политикой общее тяготение политического процесса и философии к универсальным закономерностям и эссенциальным определениям бытия человека и общества, в данном случае — политического бытия, его смысла. Наука включается в эту связь в качестве конкретных воплощений универсальных политических сущностей познавательными философскими средствами*. Отсюда возникает еще один современный путь, пользовавшийся в XX в. большим успехом.

Партнерство равных

Опыт XX века показал, что не подчинение, а автономное сотрудничество разных и равных общественных систем приводит к действительно плодотворным результатам, идет ли речь об отношениях экономики и политики (так называемые «рыночные отношения» так, собственно говоря, и организуются), либо о политике и праве или культуре и т.д. Сошлюсь для доказательства этой закономерности на историю глубокого исторического кризиса мирового масштаба конца XIX—XX веков и опыт его разрешения.

* Вспомним основные принципиальные характеристики политики (см. указанные выше работы): она всеобща (присуща всем отношениям в обществе, всем регулятивно-контрольным организационным системам); универсальна (присуща любой эпохе, любому общественному строю); инклюзивна и атрибутивна, о чем уже шла речь выше.

Пресловутый «общий кризис капитализма», о котором так много писали и говорили и у нас и за рубежом, действительно имел место и сопровождался невиданными в истории катастрофами — мировыми и гражданскими войнами, экономическими кризисами и кризисами культуры, массовой гибелью людей и ростом жестокости вместе с уже упоминавшимся невиданным разрастанием средств уничтожения. Все эти факты хорошо известны, описаны в обширнейшей литературе и потому, как я полагаю, не нуждаются в иллюстрациях и доказательствах. Тем не менее несколько замечаний на эту тему как видно следует сделать.

В марксистской (Ленин, Гильфердинг) и в немарксистской антикризисной критике кульминация кризиса связывалась с возникновением финальной империалистической стадии развития капитализма и обострением противоречий между империями. Не будем здесь обсуждать вопрос о переходе капитализма в его империалистическую форму (дело в том, что все европейские империи были феодальными по происхождению и их историческому пути), но кризис империализма действительно стал главным фактором кризиса и привел не только к межимперским столкновениям, но и к распаду самих империй. В этот процесс была включена и Россия с феодальным самодержавием. Она же и стала одной из первых жертв кризиса. Распад империй начался, как известно, сразу после первой мировой войны, но затянулся до середины прошлого века. В конце концов западный капитализм избавился от его бремени, и тогда встал вопрос: что дальше? Сразу после войны началась бурная интеллектуальная модернизация общественно-научного, социальной и политической философии. Возникли концепции социального прогнозирования, модернизации, нового современного общества, нового мирового порядка, научно-технической, демографической революции и мн.др. Политика не управляла этим познавательным и конструктивным процессом. Его движущей силой было самосознание философов и ученых, отзывавшихся на запросы времени и общества.

Результатом активной и разносторонней интеллектуальной деятельности стали теории и концепции общественного развития, возникшие из агрегации исследований социального роста (экономического, политического, культурного, демографического и др.), социального изменения (начавшихся еще в 30—е годы и связанных с именами Сорокина, Парсонса, Мертона, Мура, Хаули и мн. других известных ученых), анализа кризисов и общественных катастроф, изучения глобальных и, прежде всего, экологических проблем и связанные с прогнозированием будущего (футурологией и прогностикой). В итоге произошла настоящая революция в сфере социального и политического знания, не без влияния марксизма, надо сказать. История была признана управляемой, ее движение — поступательным и предсказуемым. Этапы исторического процесса получили названия и были истолкованы. Так появились, в частности, концепции индустриального и постиндустриального общества и их конкретные модификации. Но прежде, чем остановиться на деталях этого движения, отметим, что советская общественная наука и социальная философия заметно опередили западное общественно-политическое знание по времени появления.

Если западная общественная мысль вплоть до окончания второй мировой войны обходилась без идеи будущего, то советское обществознание, напротив, как все мы знаем, было целиком ориентировано в будущее: построение нового общества, воспитание нового человека и т.д. Тематика развития советского марксизма и западной общественной мысли во многом совпадала, однако формировалась принципиально различным образом. Западное обществознание шло традиционным путем — исследованием действительности, обнаружением трендов закономерностей, тенденций и построением в той или иной степени вероятных гипотез, прогнозов и проектов развития. Даже самые революционные предложения несомненно инструментального характера, обслуживающие политику, строились таким образом (кейнсианская терапия кризиса, монитаристские теории, исходив-

шие из идеи общего блага, в соответствии с «принципом Парето» — «благо не может быть общим, если не распространяется на всех» гипотеза постиндустриального общества, идея Нового мирового порядка и мн.др.). В отличие от этого метода советская теория развития строилась в рамках политического программирования и исходила не столько из наличного, сколько из желаемого бытия, которое конструировалось как реализация большого исторического проекта. Когда же выяснилось, что этот проект не был реализован и не мог осуществиться, такая теория развития оказалась не у дел. Несмотря на ряд заслуживающих внимания работ (особенно в области философской и социально-политической историографии), такое общественное знание не могло участвовать в антикризисном противостоянии, что уже отмечалось. Многие идеи западных теоретиков развития также не были реализованы или еще не осуществлены, но в целом они существенно помогли выйти из кризиса, создали интеллектуальную платформу для дальнейшего развития.

Отмечу здесь, что условием успеха антикризисных теорий развития было радикальное критическое самосознание нового общественнознания. В разгар кризиса возник настоящий поток критических исследований сложившейся ситуации — десятки и сотни работ таких известных авторов, как Д. Белл, Дж. Форрестер, К. Боулдинг, доклады Римскому клубу и мн., мн. др.

Безусловно, отношение политики к науке неоднозначно. Покорению науки сопутствовала огромная работа по ее созданию. В самом деле, в странах с политической диктатурой создание науки было результатом не ее саморазвития («большой науки») и тем более — фундаментальной, а делом политической воли и готовности государства нести необходимые для этого расходы, какие бы соображения к этому не побуждали.

Владение наукой — несомненное достижение, но и большая ответственность. Если она оказывается несостоятельной, и государство становится равнодушным к своему созданию, это говорит лишь о справедливости мысли о пределах допустимого проникновения одной системы в другую.